

Давыдов А. Ю. «Льготнический» фактор экономической политики большевиков и Кронштадтский мятеж / А. Ю. Давыдов, В. В. Хуциева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 343—358. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-343-358.

Davydov, A. Yu., Khutsieva, V. V. (2021). “Privilege” Factor in Economic Policy of Bolsheviks and Kronstadt Rebellion. *Nauchnyi dialog*, 10: 343-358. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-343-358. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-343-358

«Льготнический» фактор экономической политики большевиков и Кронштадтский мятеж

Давыдов Александр Юрьевич
orcid.org/0000-0001-7232-4926
ResearcherID Y-4039-2018
доктор исторических наук,
профессор кафедры
русской истории (XIX—XXI вв.)
davydov.au@mail.ru

Хуциева Виктория Валерьевна
orcid.org/0000-0003-2533-7198
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
русской истории (XIX—XXI вв.)
vkhutsieva@herzen.spb.ru

Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

“Privilege” Factor in Economic Policy of Bolsheviks and Kronstadt Rebellion

Alexander Yu. Davydov
orcid.org/0000-0001-7232-4926
ResearcherID Y-4039-2018
Doctor of History, Professor,
Department of Russian
History (XIX—XXI centuries)
davydov.au@mail.ru

Victoria V. Khutsieva
orcid.org/0000-0003-2533-7198
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian
History (XIX—XXI centuries)
vkhutsieva@herzen.spb.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Давыдов А. Ю., Хуциева В. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется влияние Кронштадтского мятежа (март 1921 года) на изменение экономического курса большевиков. Представлены результаты сопоставительного анализа разных концептуальных подходов к трактовке его как фактора влияния. Первоосновой военного коммунизма авторы считают продовольственную диктатуру, периодически смягчавшуюся кампаниями по наделению трудящихся «льготами» в виде права на провоз продуктов; современники говорили о «льготничестве». В работе выполнен обзор событий, позволяющий рассматривать «льготничество» в качестве основного фактора активизации нелегальных рыночных отношений в 1918—1921 годах. Новизна ее состоит в атрибутировании Кронштадтского мятежа как существенной причины перехода ленинского руководства не к НЭПу, а к очередной «льготнической» операции. Вместе с тем авторы статьи аргументируют суждение о том, что ускоренное мятежом накопление уступок («льгот») привело в августе 1921 года к легализации свободы торговли и к НЭПу. В статье уделяется внимание вопросу о социальной базе восстания, поскольку в том числе в этом обстоятельстве авторы усматривают истоки неустранимости и отчаянности повстанцев. А. Давыдов и В. Хуциева доказывают, что восставшие в первую очередь выступали от имени той части крестьянства, которое сумело сберечь свой хлеб от большевистских реквизиций.

Ключевые слова:

большевики; военный коммунизм; крестьянство; Кронштадтский мятеж; льготничество; НЭП; продналог.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The influence of the Kronstadt mutiny (March 1921) on the change in the economic course of the Bolsheviks is analyzed. The results of a comparative analysis of different conceptual approaches to its interpretation as a factor of influence are presented. The authors consider the food dictatorship to be the fundamental principle of war communism, periodically softened by campaigns to endow workers with “privileges” in the form of the right to transport food; contemporaries talked about “benefits”. An overview of events, which allows us to consider “privileges” as the main factor in the activation of illegal market relations in 1918—1921 is provided in the article. Its novelty lies in the attribution of the Kronstadt mutiny as an essential reason for the transition of the Leninist leadership not to the NEP, but to the next “privileged” operation. At the same time, the authors of the article argue that the accumulation of concessions (“privileges”), accelerated by the rebellion, led in August 1921 to the legalization of freedom of trade and to the NEP. Great attention is paid to the issue of the social basis of the mutiny, since, among other things, the authors see the sources of fearlessness and despair of the insurgents in this circumstance. A. Davydov and V. Khutsieva prove that the rebels primarily acted on behalf of that part of the peasantry that managed to save their bread from the Bolshevik requisitions.

Key words:

Bolsheviks; war communism; peasantry; Kronstadt mutiny; privilege; NEP; tax in kind.

«Льготнический» фактор экономической политики большевиков и Кронштадтский мятеж

© Давыдов А. Ю., Хуциева В. В., 2021

1. Подходы к освещению темы, понятие «льготничество»

Место и роль Кронштадтского мятежа в политическом контексте 1921 года остается научной проблемой. Обнаруживались разные мнения по поводу толкования предпосылок этого события. Говорилось о том, что восстание было спровоцировано эсеровским и монархическим подпольем; главной причиной мятежа называли острую нехватку продовольствия на Балтийском флоте [Шишкин, 1963, с. 352—353; Юрченко и др., 2013, с. 214—217]. В этом отношении актуальность представляет тема «кронштадтские моряки как выразители воли и желаний крестьянской массы». Привлекает внимание вопрос о роли и месте восстания в переходе к желанному для сельских тружеников НЭПу. Вспомним: в советской историографии общим местом стало положение о завершении разработки Лениным нэповского курса еще до мятежа и без связи с ним; якобы соответствующий проект нашел воплощение в написанном 8 февраля 1921 года «Предварительном, черновом наброске тезисов насчет крестьян» [Ленин, 1970, с. XVII].

Прежде всего разберемся в вопросе: какую роль сыграло матросское восстание в смене политических парадигм первых месяцев 1921 года? Думается, Кронштадт подтолкнул Ленина к углублению «льготнического» комплекса мер, а не к НЭПу как системе принципиально других (не реквизиционных, а рыночных) взаимоотношений между государством и крестьянством. Термином *льготничество* (еще говорили: *полупуторпудничество*, *двухпудничество*, *отпускничество*) современники определяли временное допущение военно-коммунистическими властями одноразовых поездок изголодавшихся рабочих-отпускников в сельскую глубинку за полутора или двумя пудами хлеба; таким способом предполагалось смягчить болезненное воздействие продовольственной диктатуры на пролетариат. Ленинское руководство в 1918—1920 годах вынуждалось время от времени наделять пролетариев «льготами» в виде временных разрешений на провоз продуктов. Большевики шли на это скрепя сердце. В работе «О свободной торговле хлебом» (август 1919) Ленин называл указанную «свободу» «возвратом к капитализму», поскольку она обостряет «борьбу между людьми из-за наживы». В общем на проблему вождь

смотрел оптимистически и коллизию обнаруживал во временном «непонимании» трудящимися всей остроты угрозы, исходившей от свободного рынка [Ленин, 1970, с. 170]. Вместе с тем страхи большевистского руководителя не были напрасными, ибо даже мелкие уступки коммунистов нелегальный рынок каждый раз с успехом использовал в своих интересах. Можно сказать, власти приоткрывали узкую рыночную лазейку, а народ ее превращал в широкие ворота. Граждане раздобывали документы «на провоз» и не считались ни с какими заградительными препонами. Вместо налаженного механизма поощрения социально близких групп получалась фактическая легализация теневого рынка. После этого власть спохватывалась и незамедлительно поворачивала назад, восстанавливая продовольственную диктатуру [Давыдов, 2019, с. 434—459, 554—576].

2. Продналог и свобода торговли: в чем насущный интерес крестьян?

Особо подчеркнем, что весной 1921 года говорить о готовности центральной власти к переходу к НЭПу — несмотря на ее «кронштадтский» испуг — не стоит. Да, она пошла на продналог, однако крестьян интересовал не он, а свобода торговли. Зачем им излишки продукции, если нельзя торговать или торговать можно лишь с соседней деревней? Сельских тружеников жизненно интересовала реабилитация денежно-рыночных связей города с деревней. Однако как раз этого и не было дано им ни до, ни сразу после Кронштадтского мятежа. Впрочем, как видно, после него власть проявляла себя гораздо более уступчивой по отношению к крестьянству — в частности, начав сокращать заградотряды — и НЭП становился реальной перспективой (но отнюдь не реальностью).

Сравним два факта. 8 февраля 1921 года Ленин в указанном выше «черновом наброске» предлагал возможное введение «хлебного налога»; при этом он туманно пообещал полностью отчитавшимся о сдаче налога земледельцам «расширить свободу использования излишков... в местном хозяйственном обороте» [Ленин, 1970, с. 333]. Особо подчеркнем: местный оборот не предполагал восстановления денежного хозяйства; осуществлявшиеся в его рамках торговые сделки между соседними населенными пунктами следует рассматривать как эпизодические акции, а не систематические рыночные связи.

Вспыхнул Кронштадтский мятеж, и уже в принятом через три дня после него декрете ВЦИК о продналоге от 21 марта 1921 года обнаруживается формулировка: «Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах» [Директивы ..., 1957, с. 227]. Признается разнообразие форм осуществления хозяйственного оборота — не только через государственные

органы (то есть национализированную кооперацию), но и на ярмарках. За первые три недели марта власть продвинулась по пути либерализации экономической жизни. Начавшийся 1 марта матросский бунт заставил коммунистическую верхушку усмирить свою гордыню. Он сильно перепугал большевиков. Не случайно тема Кронштадта стала самой обсуждаемой на продолжавшемся с 8 по 16 марта 1921 года X съезде РКП(б). В. И. Ленин, сравнивая восставших моряков с белыми генералами, назвал их самыми опасными врагами революции и требовал «кронштадтские уроки» выдвинуть в центр всей политической жизни [Протоколы ..., 1933, с. 35, 115, 310]. Показательно, что и по истечении ряда лет большевистские деятели вспоминали о Кронштадтском восстании именно как о причине политических изменений 1921 года [Сталин, 1947, с. 37].

3. Кронштадтский мятеж и проблема введения НЭПа

Однако и порядок, определенный 21 марта, называть НЭПом преждевременно. Полагаем, декрет расширял «льготничество», ибо торговля не стала свободной. По-прежнему предлагалось обмениваться продуктами, но только в своей местности. Причем сохранялся безденежный вариант товарообмена. Хозяйственная целесообразность в последний раз на этапе кризиса военно-коммунистической политики отступила перед идеологическим диктатом. Учтем, что В. И. Ленин с 1918 года стал получать телеграммы из губерний, в которых местные комиссары рассказывали о спасительной роли мешочничества и нелегального рынка для выживания большинства населения [Осипова, 2001, с. 85]. Взгляды Ленина на свободную торговлю эволюционировали по мере постижения им сложностей продовольственного дела, ранее абсолютно неизвестных ему. В январе 1918 года он требовал расстреливать мешочников. Между тем в августе 1918 года он предлагал «установить временно — скажем, на один месяц — льготный провоз по 1,5 пуда хлеба в голодные местности для рабочих при условии особого контроля»; при этом Владимир Ильич наивно надеялся на то, что с помощью «особых свидетельств» (расписок, квитанций, удостоверений) удастся пресечь спекуляцию [Ленинский ..., 1931, с. 75, 123]. В 1919 году Ленин уже публично признавал некоторые экономические выгоды свободной торговли, а на мешочников-рабочих рекомендовал повлиять «товарищеским воспитанием, товарищеским воздействием» [Ленин, 1969, т. 38, с. 356; Там же, т. 40, с. 297]. Однажды в частной беседе он даже назвал мешочников «честными тружениками» и настаивал на «осторожном подходе» к ним [Встречи ..., 1958, с. 142]. Тем не менее в декабре 1919 года вождь твердо заявил: на «свободу продажи хлеба... мы не пойдем никогда, скорее костями все ляжем, чем сделаем в этом уступки» [Ленин, 1970,

т. 39, с. 407]. Ленина, а также его многочисленных эпигонов не стоит относить к разряду последовательных ригористов и слепых фанатиков, неслучайно в конце концов они решились на переход к НЭПу. Однако убежденность в приоритетности передовой идеологии по отношению к экономике заставляла их цепляться за утопическую продовольственную политику.

На практике из «льготничества» образца марта 1921 года — как и из всех предшествовавших его разновидностей — фактически получилась новая легализация мешочничества. Постепенное (начавшееся с Петроградской и Московской губерний) ограничение сети заградительных отрядов стало условием расширения нелегального рынка. Летом 1921 года один из руководителей потребительской кооперации М. Хейсин писал: «Мешочник — хозяин своего товара, он его менял, перепродавал, комбинировал и ввремя, с необходимыми товарами являлся к владельцу хлебных излишков. И пока кооперация пыжится одной какой-нибудь товарной ценностью вроде мануфактуры, вольный добытчик хлеба переделывает в товар, который находит применение в данном месте. Худо, что все прикрывается кооперацией» [Хейсин, 1921, с. 20]. Согласимся с теми авторами, кто обнаруживает в НЭПе не просто развязывание рынка как такового. Исследователь С. А. Павлюченков справедливо увидел в новой экономической политике «средство восстановления разрушенной экономики России» постольку, поскольку она «предоставила относительный простор тем отношениям, которые были присущи самому большому и сильному сектору экономики страны — крестьянскому хозяйству» [Павлюченков, 2002, с. 10].

В любом случае нельзя говорить о том, что основы НЭПа были выработаны до Кронштадтского мятежа, а мятеж в таком контексте якобы не играл значимой роли. Кронштадт подтолкнул власть к углублению ставшей уже привычной «льготнической» политики периода военного коммунизма. Более того, «льготничество» послекронштадтских месяцев выступило важным условием подлинного НЭПа. Он и был провозглашен в Наказе СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики от 9 августа 1921 года. В Наказе Совнаркома фиксировалось: «Не следует ограничиваться рамками местного оборота и переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена» [Декреты ..., 2009, с. 97]. Легализовывался широкий общероссийский рыночный оборот. Этого и добивались крестьянские массы.

Кстати, именно за счет «льготнической» — по выражению современников изучаемого времени — «панамы», то есть маскировки, удалось Ленину преодолеть сопротивление сторонников военного коммунизма новым веяниям. То, что делалось в первые месяцы 1921 года, во многом походило на «льготнические» кампании 1918—1920 годов и не вовсе перепугало право-

верных большевиков. Большевистское руководство всеми силами старалось соблюсти идеологические приличия. Еще в апреле 1921 года на заседании Совета труда и обороны и в мае 1921 года на пленуме ЦК РКП(б) обсуждались вопросы искоренения мешочнической купли-продажи провизии [Хлеб ..., 1972, с. 209, 278].

Между тем надежды В. И. Ленина на то, что к трудящимся придет понимание истинности эгалитаристских большевистских принципов, в послекронштадтский период довольно быстро испарились; после снятия некоторой части заградотрядов народ ринулся не в огосударствленные кооперативы, а на толкучий рынок (вспомним М. Хейсина). В выступлениях Ленина на X Всероссийской партконференции (конец мая 1921 года) признавалось, что мешочники «осилили» государственную организацию; при этом подтверждался курс на государственно-кооперативный товарообмен, но уже была выдвинута задача дать «тому капитализму, который растет на почве мелкой собственности и мелкой торговли, некоторую свободу» [Ленин, 1970, т. 43, с. 313, 314, 329, 334]. Инспиратором перехода к НЭПу выступил именно Ленин, который встретил решительное противодействие со стороны влиятельного наркома продовольствия А. Д. Цюрупы. По воспоминаниям Александра Дмитриевича, конфликт между ним и «ленинским окружением» достиг такой остроты, что главе продовольственного ведомства было предложено уехать за границу для лечения; он это и сделал [Цюрупа, 1960, с. 102—103].

Кронштадтский мятеж был следствием военно-коммунистической политики, но также в конечном счете стал мотиватором ее свертывания. Подчеркнем: все сказанное относится к теме «Кронштадт и НЭП». Теперь обратимся к вопросу о кронштадтцах как выразителях интересов крестьянства или какой-то его части.

4. Приоритеты кронштадтских повстанцев

Присмотримся внимательно к требованиям мятежников. Оказывается, на первом месте среди экономических требований восставших стояло отнюдь не введение продналога (да и вообще ничего о продналоге в 15 пунктах их ультиматума не обнаруживается). Основным экономическим требованием (под цифрой 8) стало: «Немедленно снять все заградительные отряды». Современному историку В. В. Попову данный пункт документа представился противоречившим «здравому смыслу» по той причине, что матросы были заинтересованы в продовольственной диктатуре, от которой они получали продукты питания и которая держалась на заградотрядах [Попов, 2013, с. 66]. Тем не менее именно названное первоочередное положение выдвигалось в резолюции общего собрания команд 1-й и

2-й бригад линейных кораблей от 1 марта 1921 года [Известия ..., 1921]. Кронштадтцы настаивали не на отмене продразверстки и не на введении продналога, они добивались упразднения «заградов», ставших ко времени восстания непреодолимым барьером для нелегального рынка.

Сформированный 2 марта Временный революционный комитет восставшего Кронштадта подкорректировал текст указанного документа, заострив, в частности, внимание на требованиях освобождения рынка от диктатуры большевиков. Первомартовский ультиматум был расширен до 18 тезисов. После 12-пунктового политического блока обнаруживаем следующее положение: «(13) Свобода передвижения по железным дорогам и водным путям для всех граждан»; такую свободу в изучаемое время использовали в основном для мешочнических операций на нелегальном рынке. Ригористическая направленность «антизаградовского» пункта ультиматума была усилена; он стал таким: «(14) Право рабочим вести непосредственный товарообмен с крестьянами и снятие заградительных отрядов — этих новых дорожных разбойников». Далее в наказе стояло: «(15) Свобода закупок товаров за границей рабочими кооперациями, чтобы избежать посредничества правительственных спекулянтов, наживающих миллионы на рабочем поту» [ЦГАИПД, л. 23].

Примечательно, что Ленин в докладе на X съезде партии именно в нацеленности мятежников на достижение свободы торговли (а не в чем-то другом) увидел подлинную опасность неминуемой гибели советской власти и «полной реставрации» [Протоколы ..., 1933, с. 36]. Поэтому — как мы наблюдали — партия пошла на продналог, но до последней возможности цеплялась за свою торговую монополию и «льготничество». В то же время кронштадтцы смотрели в корень и добивались настоящей (вовсе не «льготнической») экономической свободы для народа. Неслучайно заявка на введение продналога отсутствует в том числе и в развернутом списке требований ревкома.

Нередко утверждается, что кронштадтцы выступали прямыми и последовательными выразителями интересов крестьян, возмущенных продразверсткой. Это можно объяснить: подавляющее большинство (80 % — по одним данным, 90 % — по другим) из 25 тыс. военнослужащих Кронштадта были выходцами из крестьянской среды [Шишкина, 1977, с. 75; Юрченко и др., 2013, с. 214]. В бюро жалоб политотдела Балтийского флота поступило с конца октября 1920 года до конца февраля 1921 года 211 жалоб личных и коллективных; из них в 156 заявлениях содержались жалобы не на личное положение адресанта, а на политику несправедливого изъятия крестьянского хлеба [Алешкин, 2008, с. 96].

Как видим, кронштадтцы оставались на деле активными выразителями интересов той среды, из которой они вышли. Тем не менее, исходя из основного «антизаградовского» требования балтийских моряков, они отнюдь не в равной степени выражали интересы отдельных категорий сельских трудящихся.

Причиной массового крестьянского недовольства называется крайнее истощение крестьянских запасов. Это происходило из-за грабительской продовольственной политики. Однако при чем здесь упомянутые заградительные отряды, деятельность которых сводилась к изъятию хлеба на дорогах? Ведь если у крестьян хлеб отобрали и они голодали, значит, перевозить им было нечего и заграды для них оказывались не страшными. Как представляется, все-таки моряки выступали от имени той — отнюдь не истощенной голодом — большей части крестьян, которая располагала хлебным фондом. Известно, что земледельцам удавалось утаить от учетчиков от 15 до 20 % посевных площадей [Пашин и др., 2008, с. 135]. «Крестьяне имели излишки продовольствия, образовавшиеся в результате утайки от продразверстки», — справедливо отмечает историк-аграрник В. А. Ильиных [Ильиных, 2010, с. 32]. Следовательно, сохранив серьезные запасы, сельские труженики не могли обойтись без купли-продажи тяжело доставшейся и с риском сбереженной ими части урожая. В этом смысле к 1921 году созрели по-настоящему острые противоречия между крестьянством и большевистской властью. Но почему они отчетливо выявились именно к 1921 году?

Кронштадтцы в полной мере были выразителями интересов уклонившихся от продразверстки крестьян хлебных районов. Показательно, что в 1920 году в Кронштадт прибыли 10 тыс. новобранцев — преимущественно с Дона, Кубани, Украины [Юрченко и др., 2013, с. 215]. В июле 1920 года Ф. Раскольников, став командующим Балтфлотом, попытался ограничить уход матросов на берег и их отпуска; однако моряки все равно ездили на родину, получали письма из дома и бывали в увольнительных [Христофоров, 2014, с. 75—85]. Связь между страной и военно-морской базой оставалась прочной.

5. «Антизаградовская» направленность мятежа

В то же время военнслужащие усваивали настроения миллионов сельских тружеников. Прежде всего они перенимали их ненависть к заградительным отрядам (их называли «заградами»), крайне обострившуюся к 1921 году. Известно, что продовольственная диктатура в продразверсточном варианте проводилась с января 1919 года. Вместе с тем, судя по содержанию документов, опубликованных в 2002 году В. Даниловым и

Т. Шаниным, крестьяне на первых порах — в 1918—1919 годах — освоились с проддикатурой. Вовсю действовал масштабный теневой рынок, и он в общем устраивал сельских тружеников. Однако с 1919 года реквизиционная армия неуклонно укрепляла свои ряды и на деле начинала контролировать дороги [Крестьянское движение ..., 2002, с. 182—187]. В 1920 году нелегальный рынок свертывался от месяца к месяцу. Вот тут крестьяне по-настоящему обиделись на власть, мешавшую им воспользоваться богом данным правом распорядиться с таким трудом произведенным продуктом.

Доведение к 1921 году проддикатуры до логического завершения (то есть до победы заградительной армии над вольным рынком) — вот важнейшая причина крестьянского недовольства, а поскольку балтийские моряки выступали выразителями интересов сельчан — то и Кронштадтского мятежа.

Не случайно, судя по текстам телеграмм с мест, обнаруженных в фонде Совнаркома [ГАРФ], Наркомат продовольствия считал «вчерашних мешочников», то есть недавно мобилизованных военнослужащих, в том числе моряков, самой большой угрозой для своих заградотрядов. На станциях, выбравшись из своих вагонов, новобранцы то и дело вступались за мешочников и расправлялись с реквизиционными частями. На всякий случай Наркомпрод даже добивался запрещения остановок воинских эшелонов в пунктах дислокации заградов. Поводов для расправы последние давали более чем достаточно, ибо злоупотребления реквизиционных подразделений не было числа. Крестьян и их служивших в армии сыновей бесконечно возмущала практика конфискации провизии на дорогах.

6. Маятниковая политика и ее результаты

Теперь — о «льготничестве». Негодование крестьян вызывали не только заградительные отряды, но еще и (по их убеждению) странные метания большевистского руководства. Имеется в виду неоднократно упоминавшееся нами «льготничество». Подобным способом власть пыталась задобрить пролетариев, позволяя им отправиться за хлебом. В зависимости от того, каким образом и в каких количествах разрешалось провезти хлеб, его именовали *полупротарудничеством, двухпудничеством, отпускничеством*. Однако непростарскому населению удавалось выдавать себя за рабочий класс, и целые эшелоны отправлялись по липовым документам за хлебом.

В конечном счете правом провоза продуктов начинали пользоваться все без исключения. В деревню устремлялись охотники за провизией. Крестьяне разворачивали свою торговлю. Маятник экономической политики двигался в сторону смягчения проддикатуры, которая в итоге стала

трещать по швам. На дорогах творилась вакханалия, командиры и бойцы заградотрядов находились в замешательстве: одни занимались реквизициями с еще большей жесточенностью, другие выжидали распоряжений и отправляли жалобы в Совнарком и Наркомпрод. Наконец, власть пугалась и принималась в очередной раз загонять в подполье «льготнического» джина. Через месяц-полтора государство возвращалось к исходному положению. Возникали бесчисленные конфликты. К 1921 году все это страшно разозлило крестьян. Народ усваивал: если нажать на большевиков, то они могут и уступить [Давыдов, 2018, с. 347—349; Давыдов, 2019, с. 384—386, 430—432, 487—577].

Что-то похожее происходило и перед Кронштадтским мятежом. Если в 1920 году власть взяла в ежовые рукавицы вольный рынок, то с начала 1921 года начинается «льготничество». Отменили разверстку в феврале в Тамбовской губернии. Центральная власть обсуждала вопрос о продналоге. Ленину на конференции металлургов (в середине февраля) задавали вопросы о сроках перехода к новой политике. В том же феврале стали снимать кое-где заградотряды в Петроградской губернии [Шишкин, 1963, с. 351; Яров, 2014, с. 123; Павлюченков, 2002, с. 19]. Думается, если бы не мятеж марта 1921 года, все и закончилось бы умеренным «льготничеством»; разверстку могли переименовать в продналог.

7. Заключение

Итак, Кронштадтское восстание подтолкнуло центральную власть к продолжению политики уступок, а не к радикальному политическому маневру. И. В. Сталин в декабре 1921 года, подводя итоги уходящего года, писал в статье «Перспективы» (опубликованной в газете «Правда»): «Кронштадт был предостережением, указывавшим, что старая форма союза (рабочих и крестьян. — *А. Д., В. Х.*) изжита, что нужна новая, хозяйственная форма союза» [Сталин, т. 5, с. 123]. Он определил последовательность «шагов», сделанных после Кронштадта в сторону такой «новой формы»; по его словам, первым шагом стало «снятие разверстки», а «вторым шагом нужно считать передачу продовольственных и сырьевых заготовок Центральному союзу потребительских кооперативов (Центросоюзу)» [Там же, с. 123—124].

Уже весной 1921 года стала создаваться система прямого продуктообмена между городом и деревней через огосударственные потребительские общества. Это и был «второй шаг» к НЭПу. В письме ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям «О кооперации» от 9 мая 1921 года заявлялось: «Задачей кооперации является вырвать мелкого производителя из цепких лап спекулянтов, освободить потребителей и производителей

от эксплуатации скупщиков, направить главный приток излишков мелкого хозяйства в руки Советской власти, а не в руки возрождающегося мелкого капиталиста» [Решения ..., 1967, с. 226]. 26 мая 1921 года между Наркомпродом и руководившим потребкооперацией Центросоюзом было заключено соглашение о возложении на последний централизованных заготовок сельскохозяйственной продукции. Перевозка продовольственных грузов по железным дорогам допускалась только с санкции двух этих органов и лишь в их адреса [О введении..., 1944]. По справедливому замечанию Л. Н. Юровского, упоминание в директивных документах апреля — июля 1921 года «свободного обмена» имело в виду обмен товара на товар без участия денег в этой операции [Юровский, 1996, с. 133].

Предполагалось, что сельчане, придя в кооперативные распределители, будут обменивать свои продукты на товары по неким эквивалентным таблицам. В них деньги заменялись счетными единицами: в одном месте это был пуд кожи или железа, в другом — аршин ситца и т. д. Продналог фактически представлял собой уменьшенный формат продразверстки, когда крестьян принуждали значительной частью своего урожая обменяться с государством на его условиях. Однако Центросоюз потерпел полный крах, ибо труженики деревни не приняли навязанные сверху цены [Юровский, 1996, с. 135]. Перед потребительскими обществами ставилась задача до октября 1921 года собрать 32 млн пуд. хлеба, однако в июне они заготовили 30 тыс. пуд., в июле 58 тыс., в августе — больше, но все равно чрезвычайно недостаточно — 548 тыс. пуд. [Ильиных, 1992, с. 18—19]. Поэтому и масштабы мешочничества расширялись от месяца к месяцу, чему способствовало сокращение в большинстве районов числа заградотрядов. Местные власти препятствовали их «снятию», тем не менее они — лишённые Наркомпродом жалования — возвращались в места формирования [ГАРФ, оп. 5, д. 796, л. 55, 57, 58, 89].

Не получая хлеба от Центросоюза, к августу 1921 года большевики еще раз убедились в бесперспективности безденежного хозяйства применительно к тому времени. Тогда-то и было отменено монопольное право кооперации на проведение товарообмена, отказались от нелепых попыток насаждения в деревне бартерных сделок. Примечательно, что Сталин в указанной статье «Перспективы» признал: гегемония Центросоюза в сфере заготовок выявила «нецелесообразность натуральной формы товарообмена и быстрое развитие денежной (мешочнической. — *А. Д., В. Х.*) его формы» [Сталин, т. 5, с. 125]. В конечном счете ленинцы сдали принципиальнейшие для них военно-коммунистические позиции, что в изучаемый период означало капитуляцию перед «мелкой буржуазией» и идеологический «термидор». Кронштадцы сыграли в этих процессах немалую роль в том

числе и потому, что выступили от имени крестьянства, которое на практике проявляло себя самым непримиримым и отчаянным противником большевиков. За ними стояли не голодные и обездоленные земледельцы, а сильные и энергичные труженики, сумевшие сохранить свой хлеб от реквизиций и противостоять несправедливой продовольственной политике.

Источники и принятые сокращения

1. *Встречи с Лениным* : воспоминания железнодорожников. — 2-е изд., доп. — Москва : Трансжелдориздат, 1962. — 311 с.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 130 (Совет народных комиссаров). Оп. 2, 5.
3. *Декреты Советской власти*. Т. XVIII. Август 1921 г. / Ин-т рос. истории Рос. Академии наук, Рос. гос. архив соц.-полит. истории. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 671 с. — ISBN 978-5-8243-1177-8.
4. *Десятый съезд РКП(б)*. Март. 1921 г. : [Протоколы] / под ред. Н. Н. Попова. — Москва : Парг. изд-во, 1933. — 954 с.
5. *Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам*. 1917—1957 гг. : сборник документов : в 4 т. Т. 1. 1917—1928-е годы. — Москва : Госполитиздат, 1957. — 879 с.
6. *Известия* Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих г. Кронштадта : газета. — 1921. — № 1. — 3 марта.
7. *Крестьянское движение в Поволжье, 1919—1922* : док. и материалы / [сост. В. Данилов и др.]. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 941 с. — ISBN 5-8243-0298-7.
8. *Ленинский сборник* : в 40 т. Т. 18 / [ред. В. В. Адоратский и др.]. — Москва : Соцгиз, 1931. — 305 с.
9. *О введении в действие правил перевозки по железным дорогам и водным путям продовольственных грузов* : Постановление Главного Управления Путей Сообщения : ст. 226 // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства* № 46 от 3 июля 1921. — Москва, 1944. — С. 453—457.
10. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* : сб. документов / сост. К. У. Черненко, М. С. Смирнюкова. — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 1: 1917—1928 годы. — 783 с.
11. *Хейсин М.* Отклики кооператора / М. Хейсин // *Производсоюз*: кооперативный журнал. — 1921. — № 20—24. — С. 20.
12. *Хлеб и революция*. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917—1922 годах / сост. А. С. Изюмов, П. Я. Северин. — Москва : Советская Россия, 1972. — 328 с.
13. ЦГАИПД — *Центральный государственный архив историко-политических документов*. Ф. Р-16 (Ленинградский губернский комитет ВКП(б) (1917—1927) Ленинград). Оп. 4. Д. 4099.
14. *Цюрупа А. Д.* Хлебный фронт / А. Д. Цюрупа // *Ленинские страницы*. Документы. Воспоминания. Очерки. — Москва : Известия, 1960. — С. 102—103.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешкин П.* Красный флаг над мятежным Кронштадтом: отражение протестного настроения крестьянства / П. Алешкин // *Власть*. — 2008. — № 9. — С. 96—100.

2. *Давыдов А. Ю.* Третий фронт Гражданской войны в России: мешочничество в прорыве большевистской осады деревни / А. Ю. Давыдов // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8, № 2. — С. 347—349.
3. *Давыдов А. Ю.* Третий фронт гражданской войны в России: мешочничество / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2019. — 672 с. — ISBN 978-5-8071-0449-6.
4. *Ильиных В. А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927) / В. А. Ильиных. — Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1992. — 224 с. — ISBN 5-02-029770-4.
5. *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта: заготов. кампании конца 1920-х гг. в Сибири / В. А. Ильиных. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 343 с. — ISBN 978-5-8243-1406-9.
6. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1969—1974. — Т. 38: Март—июнь 1919 г. ; Т. 39: Июнь—декабрь 1919 г. — 623 с. ; Т. 40: Декабрь 1919 — апрель 1920 г. ; Т. 42: Ноябрь 1920 — март 1921 г. — 606 с.
7. *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне / Т. В. Осипова. — Москва : Стрелец, 2001. — 400 с. — ISBN 5-89409-023-7.
8. *Павлюченков С. А.* Введение / С. А. Павлюченков и др. // Россия нэповская. — Москва : Новый хронограф, 2002. — С. 10. — ISBN 5-94881-003-8.
9. *Пашин В. П., Богданов С.В., Емельянов С.Г.* Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина (власть, общество, нелегальный рынок) / В. П. Пашин, С. В. Богданов, С. Г. Емельянов. — Курск : КГТУ, 2008. — 258 с. — ISBN 978-5-7681-0404-7.
10. *Попов В. В.* Первоначальные версии причин кронштадтского мятежа в изложении самих восставших матросов и официальных советских властей во время разворачивавшихся событий 1921 г. / В. В. Попов // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2013. — № 5. — С. 65—69.
11. *Сталин И. В.* Сочинения / И. В. Сталин. — Москва : ОГИЗ ; Государственное издательство политической литературы, 1947. — Т. 5. 1921—1923 ; Т. 6. 1924 г. — 430 с.
12. *Христофоров В. С.* Лидер Кронштадтского восстания / В. С. Христофоров // Морской сборник. — 2014. — № 9 (2010). — С. 75—85.
13. *Шишкин В. А.* Проблема перехода к новой экономической политике в освещении современной англо-американской буржуазной историографии / В. А. Шишкин // Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. Труды ЛОИИ. Вып. 6. — Москва ; Ленинград, 1963. — С. 352—353.
14. *Шишкина И. М.* Правда истории и домыслы советологов : против искажения роли партии в период перехода к мирному соц. строительству / И. М. Шишкина. — Ленинград : Лениздат, 1977. — 190 с.
15. *Юровский Л. Н.* Денежная политика Советской власти (1917—1927). Избранные статьи / Л. Н. Юровский. — Москва : Начала-Пресс, 1996. — 423 с.
16. *Юрченко И. Ю., Попов В.В.* «Дело снабжения продовольствием неудовлетворительно». Матросы, казаки, крестьяне-красноармейцы и городские маргиналы: голодные участники Кронштадтского мятежа 1921 г. / И. Ю. Юрченко, В. В. Попов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 3—1 (29). — С. 214—217.
17. *Яров С. В.* X съезд РКП(б) и переход к НЭПу / С. В. Яров // Критический словарь русской революции: 1914—1921. — Санкт-Петербург : Нестор, 2014. — С. 116—126.

MATERIAL RESOURCES

- Adoratskiy, V. V. (ed.). (1931). *Lenin collection*. Moscow: Sotsekgiz. 40/18. 305 p. (In Russ.).
- Chernenko, K. U., Smirnyukova, M. S. (eds.). (1967). *Party and government decisions on economic issues: collection of articles. Documents 1917—1928*. Moscow: Politizdat. 783 p. (In Russ.).
- Danilov, V. (et al.). (eds.). (2002). *Peasant movement in the Volga region, 1919—1922: doc. and materials*. Moscow: ROSSPEN. 941 p. ISBN 5-8243-0298-7.
- Decrees of the Soviet government. Avgust 1921*. (2009). Moscow: ROSSPEN. 18. 671 p. ISBN 978-5-8243-1177-8. (In Russ.).
- Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues. Collection of documents. 1917—1928*. (1957). Moscow: Gospolitizdat. 4/1. 879 p. (In Russ.).
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. (Sovet narodnykh komissarov)*. (In Russ.).
- Izvestia of the Provisional Revolutionary Committee of sailors, Red Army men and workers of the city of Kronstadt: newspaper*. (1921). 1 (3 marta). (In Russ.).
- Izyumov, A. S., Severin, P. Ya. (eds.). (1972). *Bread and revolution. Food policy of the communist party and the Soviet government in 1917—1922*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 328 p. (In Russ.).
- Kheysin, M. (1921). Cooperator responses. *Proizvodsoyuz: cooperative magazine*, 20—24: 20. (In Russ.).
- Meetings with Lenin: Memories of Railwaymen*. (1962). (2nd ed.). Moscow: Transzheldorizdat. 311 p. (In Russ.).
- On the introduction of the rules for the carriage of food goods by rail and waterways: Resolution of the Main Directorate of Railways № 226 from July 3, 1921. (1944). In: *Collection of legalizations and orders of the workers 'and peasants' government № 46*. Moscow. 453—457. (In Russ.).
- Popov, N. N. (ed.). (1933). *Tenth Congress of the RCP (c). March 1921. Protocols*. Moscow: Part. izd-vo. 954 p. (In Russ.).
- TsGAIPD — Central State Archive of Historical and Political Documents. (In Russ.).
- Tsyurupa, A. D. (1960). Bread front. In: *Lenin's pages. The documents. Memories. Essays*. Moscow: Izvestiya. 102—103. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleshkin, P. (2008). The red banner over Kronshtadt mutiny: reflection of peasants' protest. *Vlast'*, 9: 96—100. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. (2018). The third front of the Civil War in Russia: baggage in the breakthrough of the Bolshevik siege of the countryside. *Contemporary history of Russia*, 8 (2): 347—349. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. (2019). *The third front of the civil war in Russia: baggage*. St. Petersburg: Evraziya. 672 p. ISBN 978-5-8071-0449-6. (In Russ.).
- Il'inykh, V. A. (1992). *Commerce on the grain front (State regulation of the grain market under NEP conditions. 1921—1927)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otdelenie. 224 p. ISBN 5-02-029770-4. (In Russ.).
- Il'inykh, V. A. (2010). *Chronicles of the grain front: procurement. campaigns of the late 1920s. in Siberia*. Moscow: ROSSPEN. 343 p. ISBN 978-5-8243-1406-9. (In Russ.).

- Khristoforov, V. S. (2014). Leader of the Kronstadt uprising. *Marine collection*, 9 (2010): 75—85. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1969). *Full composition of writings. March—June 1919*. (5th ed.). Moscow: Gospolitizdat. 55/38. 579 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1970). *Full composition of writings. June—December 1919*. (5th ed.). Moscow: Gospolitizdat. 55/39. 623 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). *Full composition of writings. December 1919 — April 1920*. (5th ed.). Moscow: Gospolitizdat. 55/40. 506 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1970). *Full composition of writings. November 1920 — March 1921*. (5th ed.). Moscow: Gospolitizdat. 55/42. 606 p. (In Russ.).
- Osipova, T. V. (2001). *Russian peasantry in the revolution and Civil war*. Moscow: Strelets. 400 p. ISBN 5-89409-023-7. (In Russ.).
- Pashin, V. P., Bogdanov, S. V., Emel'yanov, S. G. (2008). *State alcohol policy in Russia: from Witte to Stalin (power, society, illegal market)*. Kursk: KGTU. 258 p. ISBN 978-5-7681-0404-7. (In Russ.).
- Pavlyuchenkov, S. A. et al. (2002). Introduction. In: *NEP Russia*. Moscow: Novyy khronograf. 10. ISBN 5-94881-003-8. (In Russ.).
- Popov, V. V. (2013). The initial versions of the reasons for the Kronstadt mutiny were presented by the insurgent sailors themselves and the official Soviet authorities during the unfolding events of 1921. *Historical and socio-educational thought*, 5: 65—69. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1947). *Essays. 1921—1923*. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 18/5. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1947). *Essays. 1924*. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 18/6. 430 p. (In Russ.).
- Shishkin, V. A. (1963). The problem of the transition to a new economic policy in the coverage of modern Anglo-American bourgeois historiography. In: *The workers of Leningrad in the struggle for the victory of socialism. LOII Proceedings*. Moscow; Leningrad. 6. 352—353. (In Russ.).
- Shishkina, I. M. (1977). *The truth of history and the speculation of Sovietologists: against the distortion of the role of the party during the transition to a peaceful social construction*. Leningrad: Lenizdat. 190 p. (In Russ.).
- Yarov, S. V. (2014). X Congress of the RCP (b) and the transition to NEP. In: *Critical Dictionary of the Russian Revolution: 1914—1921*. St. Petersburg: Nestor. 116—126. (In Russ.).
- Yurchenko, I. Yu., Popov, V. V. (2013). “The food supply business is unsatisfactory”. Sailors, Cossacks, Red Army peasants and urban marginals: hungry participants in the 1921 Kronstadt mutiny. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 3—1 (29): 214—217. (In Russ.).
- Yurovskiy, L. N. (1996). *Monetary policy of the Soviet government (1917—1927). Featured Articles*. Moscow: Nachala-Press. 423 p. (In Russ.).